

**ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ
КАК АПРИОРНЫЕ ФОРМЫ
В РАБОТАХ ГЕРМАНА КОГЕНА
И ИВАНА ЛАПШИНА**

В.И. Савинцев,¹ В.С. Попова¹

Необходимость переосмысления представлений о статусе пространства и времени, отнесенных в парадигме Канта к априорным формам чувственности, в конце XIX – начале XX в. была связана с формированием новых подходов к методологии научного познания. В неокантианской трактовке эти познавательные формы обретают особый эпистемологический статус, проявляясь в теоретическом поиске в качестве «предзаданных» оснований знания. Целью исследования стал компаративистский анализ двух связанных неокантианских концепций – Г. Когена и И. И. Лапшина. При обращении к философии Канта начиная со студенческой скамьи Лапшин постепенно приходит к пониманию насущности уточнения и совершенствования трансцендентального метода Канта, диктуемой самим развитием научного знания. При этом в творчестве русского неокантианца обнаруживаются реминисценции и полемические уточнения к спatio-темпоральным идеям Когена. В результате исследования выявлено, что у Когена и Лапшина имеются схожие эпистемологические установки: стремление усовершенствовать элементы кантовской философии, приспособив их для логического обоснования возможностей научно-теоретического познания, а также преодолеть психологизм и развить логицистский подход к критике познания. Каждый из авторов выработал собственный «механизм» сведения пространства и времени к комплексу интеллектуальных процедур по конструированию объекта знания. В концепции Когена пространство и время предустанавливают язык наблюдения и фундируют всякое научно-теоретическое творчество. Лапшин же, указывая на формальные и содержатель-

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236016, Калининград, ул. А. Невского, д. 14
Поступила в редакцию: 19.12.2021 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2022-4-5

**SPACE AND TIME
AS A PRIORI FORMS
IN THE WORKS OF HERMANN COHEN
AND IVAN LAPSHIN**

V.I. Savintsev¹, V.S. Popova¹

In the late nineteenth and early twentieth centuries the need to rethink the status of space and time which Kant considered to be a priori forms of sensibility was prompted by the emergence of new approaches to the methodology of scientific cognition. In neo-Kantian interpretation these cognitive forms acquire a special epistemological status, manifesting themselves in theoretical research as “pre-given” foundations of knowledge. It seems necessary to conduct a comparative analysis of two interconnected neo-Kantian concepts, of Hermann Cohen and Ivan Lapshin. Studying Kant’s philosophy since his student days, Lapshin gradually came to the conclusion that the need to clarify and develop Kant’s transcendental method was dictated by the development of scientific knowledge. Indeed, the works of the Russian neo-Kantian contain echoes and polemical adjustments of Cohen’s spatio-temporal ideas. Our study has revealed common epistemological attitudes in Cohen and Lapshin: the wish to improve elements of Kantian philosophy, adjusting them to prove the possibility of scientific-theoretical cognition and of overcoming psychologism and developing the logicistic approach to the critique of cognition. Each of the two authors developed their own “mechanism” of reducing space and time to a range of intellectual procedures for the construction of the object of knowledge. In Cohen’s account space and time pre-establish the language of observation and found all scientific-theoretical work. Lapshin, on the other hand, in discussing the formal and substantive features of these categories (the introduction of “axi-

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University.
14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236016, Russia.
Received: 19.12.2021.
doi: 10.5922/0207-6918-2022-4-5

ные особенности этих категорий (введение «аксиом» времени, необходимость конкретизации понятий времени и пространства посредством иных категорий), отмечает, что их применение в научном суждении предполагает эпистемологическую заданность понимания объекта, что, с нашей точки зрения, является вариантом решения одной и той же эпистемологической задачи. Мы полагаем, что Лапшин в итоге выработал самостоятельную концепцию пространства и времени как познавательных форм, соответствующую духу европейского неокантианства и современной ему науки.

Ключевые слова: Г. Коген, И. И. Лапшин, неокантианство, пространство, время, понятие, категория, априорные формы, научное знание

1. Введение

Проблема осмысления и уточнения понимания времени и пространства как априорных форм чувственности ставилась как в западно-европейском кантианстве и неокантианстве, так и в российском. Необходимость своеобразной «ревизии» философского понимания пространства и времени, на наш взгляд, связана с рядом тенденций. Напомним, XIX век ознаменовался ростом многообразия эпистемологических построений и стратегий в европейской научной мысли, что потребовало отказа от односторонности механицистского подхода в интерпретации отдельных познавательных ситуаций, как это было принято в философии второй половины XVIII в. Эти познавательные подвижки происходили в системе координат натурализма / антинатурализма, но даже внутри этих тенденций ситуация все усложнялась и выводила философов к пониманию того, что усвоенные авторитеты (например, Канта) поддаются идеям для интерпретаций, приложимых к новым эпистемологическим «вызовам». Изменения теоретического и практического статуса науки, расширение ее предметного поля и методов, дискуссии о соотношении научного

oms" of time, the need to specify the concepts of time and space through other categories), notes that their use in scientific judgment implies an epistemological givenness of the concept of the object. This I see as a variant of solving one and the same epistemological task. I submit that Lapshin worked out an independent concept of space and time as cognitive forms that are congruent with the spirit of European neo-Kantianism and contemporary science.

Keywords: Hermann Cohen, Ivan Lapshin, neo-Kantianism, space, time, concept, category, a priori forms, scientific cognition

1. Introduction

The problem of explicating and clarifying time and space as *a priori* forms of sensibility has been raised in both Western European and Russian Kantianism and neo-Kantianism. The need to "revise" the philosophical concept of space and time is arguably prompted by several trends. The nineteenth century was marked by a growing diversity of epistemological theories and strategies in European thought, which militated against the one-sidedness of the mechanistic approach to the interpretation of specific cognitive situations that prevailed in philosophy in the second half of the eighteenth century. These cognitive shifts took place in the naturalism/anti-naturalism system of coordinates, but even within these trends the situation was becoming more and more complex, leading philosophers to the conclusion that the old authorities (e.g. Kant) offered ideas for interpretations that were applicable to the new epistemological challenges. The changes in the theoretical and practical status of science, the broadening of its subject area and methods, discussion of the relationship between scientific and philosophical aspects in the cognitive pro-

и философского начал в познавательном процессе также оказали влияние на обсуждения вопросов пространства и времени как универсальных категорий различных познавательных областей. Философам потребовалось вписать древние категории в контекст новейших научных обсуждений таким образом, чтобы философия как вид знания обрела актуальное звучание для текущих научных исследований. Ведь и сама наука переживала рождение неклассической рациональности, символом которой стал релятивистский мир «пространства-времени».

В результате поиска адекватного применения строгих и в то же время неоднозначных и побуждающих к свободе суждения понятий кантовского критицизма происходило осмысление роли априоризма в нарождавшейся неклассической научной картине мира (см., напр.: Дмитриева, 2013; Перцев, 2015). Требовалась переработка таких понятий, как «опыт», «созерцание», «мышление», «материя», «форма» и пр., а вместе с ними и тех понятий, которые сопровождают и раскрывают философемы пространства и времени. Н. А. Дмитриева приводит пример с Ф. А. Ланге, который считал

главной заслугой Канта... данную нам возможность распространить мысль о пространстве, времени и категориях как необходимых формах нашего созерцания и рассудка на такие мыслительные образования, как материя, атом, сила. С точки зрения Ланге, они есть не что иное, как «вспомогательные выражения» (Фехнер), обозначающие «отношения явлений» и представляющие собой «задачу теории познания» (Дмитриева, 2007, с. 54).

С точки зрения истории эпистемологии значимо то, что отдельные пространственно-темпоральные построения могли формироваться как полемическая реакция на чьи-то теоретические модели. Так, например, в 1871 г. появились на свет сначала статья Германа Когена «К спору между Тренделенбургом и Куно Фише-

ресс also had an impact on the debates about space and time as universal categories in various fields of cognition. Philosophers had to put ancient categories in the context of the latest scientific discussions in such a way that philosophy as a branch of knowledge would become relevant to the current scientific research. Indeed, science itself was witnessing the birth of non-classical rationality, symbolised by the relativistic “space-time” world.

The search for an adequate use of rigorous and at the same time open-ended and thought-provoking concepts of Kantian critique informed the study of apriorism in the nascent non-classical scientific picture of the world (see, for example: Dmitrieva, 2013; Pertsev, 2015). It was necessary to take a new look at such concepts as “experience”, “intuition”, “thought”, “matter”, “form” etc. along with the concepts that accompany and explain the philosophemes of space and time. Nina A. Dmitrieva (2007, p. 54) cites the example of Friedrich Albert Lange who believed that

Kant’s main contribution was [...] to have given us the opportunity to spread the thought of space, time and categories as necessary forms of our intuition and reason to such thought entities as matter, atom, and force. In Lange’s view they are “auxiliary expressions” (Fechner) signifying “relationships of phenomena” representing “the task of the theory of cognition”.

From the viewpoint of the history of epistemology it was important that particular space-temporal ideas could be expressed as a polemical reaction to someone’s theoretical models. For example, 1871 saw first the publication of Hermann Cohen’s article “On the Argument Between Trendelenburg and Kuno Fischer” and then his book *Kant’s Theory of Experience (Kants Theorie der Erfahrung)* as

ром», а затем и его книга «Теория опыта Канта» как фундаментальный ответ на спор о свойствах пространства и времени у Канта, затеянный Куно Фишером и Адольфом Тренделенбургом (см. подробнее об этом: Дмитриева, 2007, с. 49–53; Демин, 2010; Пома, 2012, с. 27–38). В этой дискуссии первый отстаивал субъективную составляющую форм пространства и времени у Канта, а второй приписывал им амбивалентную природу. В указанной книге Коген, исследуя содержание «опыта» в кантовской концепции, принципиально по-иному истолковывает априорные формы чувственности, усматривая в них прежде всего инструментальную составляющую познавательной функции сознания трансцендентального субъекта. Вообще, как отмечает Фредерик К. Бейзер, «если бы мы суммировали в одном предложении значение “Теории опыта Канта”, то это – открытие Когеном трансцендентального... Трансцендентальное для Когена совпадает с априорным, то есть универсальными и необходимыми условиями возможного опыта, которые называются “априорными”, потому что они “предшествуют” опыту (не во временном, а в логическом смысле)» (Beiser, 2018, p. 56).

Но, вероятнее всего, не только данная дискуссия стала для Когена импульсом к выяснению теоретического статуса пространства и времени в трансцендентальной парадигме. Глубинной причиной оставалось свойственное неординарным мыслителям стремление к выработке собственного, наилучшего, последовательного и четкого понимания Кантовой эпистемологической системы. Как отмечает В. Н. Белов, для решения вопроса «становления и развития кантовского априори от пространства и времени к категориям или наоборот» (Белов, 2012, с. 6) Коген обращался и к манускриптам Канта 1770–1781 гг., для работы с которыми специально приезжал в Кёнигсберг в 1885 г. Сегодня для нас очевидно, что Коген дал философскому миру одну из авторитетных моделей пони-

a definitive answer to the arguments about the properties of space and time in Kant, initiated by Kuno Fischer and Adolf Trendelenburg (for more detail see: Dmitrieva, 2007, pp. 49-53; Dymomin, 2010; Poma, 1997, pp. 4-13). In this debate the former upheld Kant's subjective component of the forms of space and time, and the latter argued that they had an ambivalent nature. In the above-mentioned book Cohen, examining Kant's concept of “experience”, offers a ground-breaking interpretation of *a priori* forms of sensibility as primarily an instrumental component of the cognitive function of consciousness of the transcendental subject. In general, as Frederick Beiser (2018, p. 56) observes, “If we were to summarize in a single phrase the significance of *Kants Theorie der Erfahrung*, it would have to be Cohen's discovery of the transcendental [...]. The transcendental is for Cohen co-extensive with the *a priori*, i.e., the universal and necessary conditions of possible experience, which are called ‘*a priori*’ because they are ‘prior to’ experience (not in a temporal but logical sense).”

Even so, the chances are that it was not this discussion that prompted Cohen to address the issue of the theoretical status of space and time in the transcendental paradigm. The underlying reason was the tendency of out-of-the-ordinary thinkers to seek to work out their own, superior, consistent and clear understanding of the Kantian epistemological system. Vladimir N. Belov (2012, p. 6) notes that in order to solve the question of “the emergence and development of the Kantian *a priori* from space and time to categories and vice versa” Cohen studied Kant's manuscripts of 1770–1781, for which purpose he travelled to Königsberg in 1885. Today it is evident to us that Cohen gave the philosophical world an authoritative model of interpreting the link between the sys-

мания связи системы категорий с априорными формами чувственности, приведя для этого фундаментальную аргументацию, которая сама по себе приобрела весомый научно-теоретический статус. Поэтому особый интерес для русского читателя представляет вопрос о том, каково место отечественных неокантианских интерпретаций Кантова пространства и времени на этом фоне. Наиболее разработанную и оригинальную концепцию пространства и времени в русском неокантианстве предложил Иван Иванович Лапшин (1870–1952). Сопоставление его позиции с точкой зрения Когена на пространство и время, а также анализ аргументации Лапшина в построении его спatio-темпоральной концепции будет предметом настоящей статьи.

2. Горизонты дискурса

«Теория опыта Канта» не только повлияла на последующий творческий путь Когена (автор дважды дополнял и переиздавал ее на протяжении жизни — в 1885 и 1918 гг.), но стала также образцом (школой) препарирования и развития кантовских идей в международном неокантианстве. Как полагает Скотт Эдгар, Коген считал, что развитие знания стремится ко все большей универсальности. При этом те элементы научных теорий, которые остаются стабильными при построении более универсальных теорий, приближают исследователей к строгости универсальных формальных условий опыта (Edgar, 2021). Коген был чуток к революционным изменениям в науке, в физике и главным образом в математике. Он пересмотрел структуру кантовского внеисторического трансцендентального субъекта в связи с этими изменениями, обосновав возможность построения неклассического математизированного естествознания из опыта научного исследования, отличного от опыта в понимании сенсуалистов (Сокулер, 2013). З. А. Сокулер полагает,

tem of categories and *a priori* forms of sensibility, deploying robust argumentation which itself acquired a scientific-theoretical status. Against this background, the Russian reader is sure to be interested to know the place of Russian neo-Kantian interpretations of space and time. The most thorough and original concept of space and time in Russian neo-Kantianism was proposed by Ivan Lapshin (1870–1952). The aim of this article is to compare his position with Cohen's views on space and time and to look into Lapshin's argumentation in building his spatio-temporal concept.

2. Horizons of Discourse

Not only did *Kant's Theory of Experience* influence his whole career (he enlarged and published newly-edited versions twice, in 1885 and again in 1918), but it became a model (school) of unravelling and developing Kant's ideas in international neo-Kantianism. According to Scott Edgar (2022), Kant believed that knowledge develops toward greater universality, with the elements of scientific theories that endure and are subsumed into more universal theories adding to the rigour of universal formal conditions of experience. Cohen was sensitive to revolutionary changes in science, in physics and especially in mathematics. He revised the structure of the Kantian extra-historical transcendental subject in connection with these changes and grounded the possibility of building a non-classical mathematised natural science from the experience of scientific research, different from the experience as understood by sensualists (Sokuler, 2013). Zinaida Sokuler (2021, p. 381) believes that these changes prompted Kant to develop his own theoretical philosophy of science: "The ability of scientific knowledge to *outgrow itself*, to as-

что эти изменения побудили Когена к выработке своеобразной теоретической философии науки: «Возможность научного знания *перерастать самого себя*, принимать новые формы становится главным предметом его размышлений» (Сокулер, 2021, с. 381). Предложенный Когеном взгляд на опыт как систему априорных знаний стал результатом его восприимчивости к стремительному развитию науки, в котором все большую роль начинали играть вопросы оснований математики, а также открытия новых горизонтов математизации естествознания. На этом фоне проработка таких фундаментальных категорий, как пространство и время, являлась общезначимой философской задачей, усилия по решению которой были важны с точки зрения мирового эпистемологического процесса.

Мы полагаем, что русские неокантианцы все не потерялись на этом фоне, что они занимают особое место в дискурсе вокруг априоризма Канта. Как отмечает В. Н. Белов, они «смогли, сохранив критический “дух” неокантианского учения, самостоятельно развивать его как с теоретических позиций, обогащая неокантианство позитивными достижениями феноменологии, гегельянства, религиозной философии, так и с позиций практических, привлекая неокантианскую методологию для анализа педагогических и политико-правовых концепций» (Белов, 2020, с. 49). Критическая парадигма пространства и времени (как и, например, концепция логических законов) воспринималась русской мыслью и как часть атрибутивного поля философской эрудиции, всеевропейского круга общения, и как своего рода ключ к построению самостоятельных философских учений, которые при этом окажутся значимыми в практическом смысле, будут иметь отношение к духовной жизни личности.

Представители логико-методологического направления отечественной университетской философии, несомненно, находились в идей-

sume new forms becomes the main subject of his reflections.” Cohen’s view of experience as a system of *a priori* knowledge was the result of his awareness of the rapid development of science in which questions of the foundations of mathematics and the discovery of new horizons of mathematization of natural science played an ever more important role. This spurred the development of such fundamental categories as space and time which were important for the world epistemological process as a whole.

In our opinion, Russian neo-Kantians were not lost in this process, having carved out a special niche for themselves in the discourse around Kant’s apriorism. As Belov (2020, p. 49) points out, they “managed, preserving the critical spirit of the neo-Kantian doctrine, to contribute to its development from the theoretical point of view, enriching neo-Kantianism with positive achievements in phenomenology, Hegelianism and religious philosophy, and from the practical point of view, bringing in neo-Kantian methodology to analyse pedagogical and political-legal concepts”. The critical paradigm of space and time (like, indeed, the concept of logical laws) was perceived by Russian thought as part of philosophical erudition, the Europe-wide discourse, and a key to the development of independent philosophical teachings which would also have practical significance and would be relevant to the spiritual life of the personality.

The representatives of the logical-methodological strand in Russian academic philosophy were undoubtedly engaged in an ideational dialogue with Cohen. This is particularly noticeable if we look at the history of philosophy as “an archive of the epoch”, as “the sphere of conversation” (methodological concepts introduced by Tatiana G. Shchedrina (2004; 2008)

ном диалоге с Когеном. Это становится особенно заметно, если рассматривать историко-философскую ситуацию как «архив эпохи», как «сферу разговора» (эти методологические понятия, введенные Т. Г. Щедриной (см.: Щедрина, 2004; Щедрина, 2008), здесь как нельзя кстати). Голос Когена задавал в этом философском разговоре последовательную и четкую тональность через восприятие концепций его учеников (в первую очередь это переведенные в России в начале XX в. П. Наторп и Э. Кассирер), через стажировки в неокантианских центрах, через творческо-интеллектуальную среду времени и места. Эти факты мы продолжаем открывать и осмысливать сейчас, все более понимая значимость Когена для русской мысли в силу его конгенитальности Канту. Так, например, благодаря археографической и комментаторской работе Н. А. Дмитриевой мы узнаем о работе Александра Ливериевича Саккетти, посвященной философии Когена (Дмитриева, Саккетти, 2021). Причем круг становления, общения и трудовой деятельности Саккетти был близок и второму герою нашей статьи — И. И. Лапшину. В этой «сфере разговора» была важна и общая любовь к музыке, и общие учителя, коллеги, дискуссионные площадки (А. С. Лаппо-Данилевский, Э. Л. Радлов, общение в Философском обществе при Петербургском университете), и публикационная деятельность (Радлов и Саккетти работали в книгоиздательской артели «Наука и Школа» (Там же, с. 97), которая в 1922 г. выпустила крупнейшую работу Лапшина «Философия изобретения и изобретение в философии» (Лапшин, 1922)).

И. И. Лапшин, безусловно, был знаком с пространственно-временной концепцией Когена. Более того, в работе «Законы мышления и формы познания», где формы пространства и времени осмысливаются в неокантианской парадигме, присутствует даже скрытая полемика Лапшина с Когеном о том, возможно ли считать пространство и время категориями (поня-

come in very handy). Cohen's voice gave a very consistent and clear tone to this philosophical conversation through the perception of the concepts of his pupils (most notably Paul Natorp and Ernst Cassirer who were translated in Russia in the early twentieth century), through internships at neo-Kantian centres, and through being part of the creative intellectual milieu. As we discover more and more such facts we become aware of the significance of Cohen for Russian thought, due to his congeniality with Kant. Thus, for example, thanks to the archeographic and commentating work of Nina A. Dmitrieva we learn about the work of Alexander Sakketti (see Dmitrieva and Sakketti, 2021) devoted to Cohen. Incidentally, Sakketti grew up, studied and worked in a circle that was close to the other central figure of this article, Ivan Lapshin. Important factors in this "sphere of conversation" were love of music, common teachers, colleagues, and discussion venues (Aleksander S. Lappo-Danilevsky, Ernest L. Radlov, Petersburg University's Philosophical Society), and publishing activities (Radlov and Sakketti worked at the publishing *artel* "Nauka i Shkola" ("Science and School") (*ibid.*, p. 97) which brought out Lapshin's main work *Philosophy of Invention and Invention in Philosophy* in 1922 (see Lapshin, 1922)).

Lapshin was certainly familiar with Cohen's space-time conception. Indeed, his work *The Laws of Thought and Forms of Cognition*, which explores forms of space and time in the neo-Kantian paradigm, contains disguised polemics with Cohen about whether or not space and time can be considered to be categories (concepts). In answering this question in the affirmative and thus challenging Cohen's view, Lapshin (1906, p. 58) cites the Marburg philosopher: "On the above-quoted words of Renouvier (about the possibility of 'empty' space and

тиями). Положительно отвечая на этот вопрос и оспаривая таким образом точку зрения Когена, Лапшин приводит следующую мысль марбургского философа: «Коген по поводу вышеприведенных слов Ренувье (о возможности «пустого» пространства и «пустого» времени. — В.С., В.П.) замечает: "...кто считает пространство и время категориями, тот разрушает весь фундамент трансцендентальной системы"» (Лапшин, 1906, с. 58). Отметим здесь, что в когеновской концепции пространство и время отделяются от момента чувственного восприятия. В его системе они и «типы и средства образования представлений», «первые ступени в установлении связей в сознании» (Коген, 2012, с. 153), и понятия полноценных отвлеченных конструкций. Это «конституирующие условия опыта», которые действуют как «фундаментальные орудия науки» (Там же, с. 268).

Здесь можно зафиксировать такую гипотезу: кантианская парадигма пространства и времени актуализировалась на новом витке развития научной рациональности. Эта тенденция сделала соизмеримыми идеи Когена и Лапшина на том основании, что оба философа, стремясь выстроить и оформить собственные гносеологические концепции, по сути, отталкивались от постановки проблемы соотношения феноменов логического и психологического, чистого и реального знания. Так, известно, что проблема психологизма в философии логики стала камнем преткновения и предметом ожесточенных дискуссий в европейской и русской эпистемологии второй половины XIX — начала XX в. В это же время возникает насущная потребность в новой не только экспериментальной, но и логико-методологической подоснове психологической науки. Понимание этой ситуации Лапшин передает, например, в работе «Что есть истина?»: «Современная физика имеет дело не с метафизической идеей материи, но с воспринимаемым в опыте веществом. Современный атом не есть умозрительная фикция,

‘empty’ time — V.S., V.P.), Cohen notes: ‘[...] those who consider space and time to be categories are destroying the very foundation of the transcendental system.’ It should be noted that Cohen separates space and time from sensible intuition. In his system they are “types and means of the formation of representations”², and “first stages in establishing links in consciousness”³ (Cohen, 1885, p. 84), and concepts of full-scale abstract constructs. They are the “constituent conditions of experience”⁴ which operate as “fundamental tools of science”⁵ (*ibid.*, p. 268).

This warrants the following hypothesis: the Kantian paradigm of space and time was put forward at a new turn of the spiral of the development of scientific rationality. This tendency made the ideas of Cohen and Lapshin commensurate on the grounds that both philosophers, seeking to build and form their own epistemological concepts, proceeded from posing the problem of the relationship of the phenomena of logical, psychological, pure and real knowledge. The problem of psychologism in the philosophy of logic became a stumbling block and a subject of fierce debates in European and Russian epistemology in the latter half of the nineteenth and early twentieth centuries. At that same time an urgent need arose not only for a new experimental, but also a logical-methodological foundation of psychological science. There is an awareness of this situation in Lapshin’s work *What is Truth?:* “Modern physics deals not with the metaphysical idea of matter, but with substance perceived in experience. The modern atom is not a cerebral fiction, but reality. True, we do not yet

² “[...] Typen und Gestaltungsmittel der Vorstellungen [...]”

³ “[...] die ersten Stufen [...] in der Herstellung von Verbindungen im Bewusstsein [...]”

⁴ “[...] constituirende Bedingungen der Erfahrung [...]”

⁵ “[...] fundamentale Werkzeuge der Wissenschaft [...]”

но реальность. Правда, мы не воспринимаем непосредственно атома, как такового, но структура вещества все глубже и глубже постигается нами опытным путем...» (Лапшин, 2006, с. 290). Итак, становление новой научной рациональности периода конца XIX — начала XX в. требовало выработки соответствующих метатеоретических оснований, влекло за собой необходимость выяснения статуса логических законов, соотношения познавательных форм, прояснения позиций априоризма. Парадигма критицизма оказалась адекватна этим эпистемологическим вызовам, поскольку «задача критики познания — выяснить, благодаря каким элементам сознания идеальные образования вырастают до уровня объектов естествознания» (Секундант, 2010, с. 222). Теоретические разработки Когена сформировали своеобразный канон марбургского неокантианства в дальнейших исследованиях этих вопросов.

3. Пространство и время в трансцендентальном опыте согласно Когену

Интерпретируя и корректируя трансцендентализм кёнигсбергского философа, Коген формирует принципиально новое отношение к опыту — он концентрирует познавательные усилия не на метафизическом описании, а на выраженном в строгих и последовательных действиях научном познании. В основании этого подхода лежит «трансцендентальный метод» (он же «философский метод» и «критический метод»), представляющий собой, как верно отметил А. А. Тютюнников, «дедуктивный метод, характер которого имеет значение нормы не просто для человеческого мышления, но — что делает Когена Когеном — для *научного* мышления, поскольку оно направлено на объективную реальность, укорененную в неизменных законах опыта» (Тютюнников, 2018, с. 10). Суть этого метода состоит в том, что все

perceive the atom directly as such, but we are gaining an ever deeper insight into the structure of substance experimentally [...]» (Lapshin, 2006, p. 290). Thus, the emergence of a new scientific rationality in the late nineteenth and early twentieth centuries called for the development of corresponding meta-theoretical grounds, and entailed the need to clarify the status of logical laws, the relationship between cognitive forms, and clarification of the position of apriorism. The criticism paradigm was able to meet these epistemological challenges since “the task of the critique of cognition is to determine the elements of consciousness thanks to which ideal entities grow to the level of objects of natural science” (Sekundant, 2010, p. 222). Cohen’s theoretical work formed a kind of canon of Marburg neo-Kantianism in further study of these issues.

3. Space and Time in Transcendental Experience according to Cohen

Interpreting and adjusting Kant’s transcendentalism, Cohen forms a fundamentally new attitude to experience: he concentrates cognitive efforts not on metaphysical description, but on scientific cognition expressed in rigorous and consistent actions. This approach is based on the “transcendental method” (or “the philosophical method” and “the critical method”) which, as Aleksander A. Tyutyunnikov (2018, p. 10) pointed out, “is a *deductive* method whose character has the significance of a norm not simply for human thinking but — and this is stated in Cohen — for *scientific* thinking, inasmuch as it is directed at objective reality rooted in the immutable laws of experience”. The essence of this method is that all the parameters of experience are not given but “assigned”: if we think about the properties of some object,

параметры опыта не даны, но «заданы»: если мы размышляем о свойствах какого-либо объекта, то, как полагает Коген, его базовые характеристики уже заданы сознанием, иначе мы не смогли бы построить об этом объекте ни одного, даже самого элементарного, суждения, а служебные характеристики (то, что составляет материал протокольных предложений) берутся извне:

Никакой опыт, никакой особый треугольник не докажет мне, что в каждом треугольнике сумма двух сторон больше, чем третья сторона: это следует из моего созерцания с достоверностью, которую с давних пор только не с систематической последовательностью выделили как образец достоверности, как очевидность, как достоверность созерцания. Мое созерцание является тем, что prepares эту достоверность (Коген, 2012, с. 186).

Неслучайно многие исследователи философского наследия Когена отмечают генетическую связь его гносеологии с платоновской, где характеристики сущего не извлекаются из опыта, а схватываются в идеях. Собственно, Коген посвящает монографию «Платоновское учение об идеях и математика» интерпретации природы математического знания как образца всякого теоретического знания, без которого невозможно познание как таковое. Когена интересует вопрос о том, как чистая наука может быть познанием реальных предметов (Секундант, 2010, с. 220). Следует упомянуть, что в осмыслении этого вопроса Когеном, а также в конструировании им собственного критико-познавательного подхода к этой проблеме эвристическую роль сыграл метод бесконечно малых (см.: Белов, 2018; Бертолино, 2018; Секундант, 2010). И хотя в этом подходе просматривается связь с античной традицией, основополагающим остается критический взгляд, который учитывает эволюцию научного знания и позволяет «воспрепятствовать тому, чтобы теория познания снова была ложно понята в

then, according to Cohen, its basic characteristics are already assigned by our consciousness, otherwise we would not be able to form even the most elementary judgment about this object, while the auxiliary characteristics (what forms the material of protocol sentences) are drawn from outside:

No experience, no particular triangle can prove to me that in any triangle the sum of two sides is larger than the third side: this follows from my intuition with a certainty which has long been identified, albeit not with systematic consistency, as the model of certainty, as something evident, as the certainty of intuition. It is my intuition which produces this certainty⁶ (Cohen, 1885, p. 124).

It is not by chance that many students of Cohen's philosophical legacy note the genetic connection of his epistemology with that of Plato in which the characteristics of being are not derived from experience, but captured in ideas. In fact, Cohen devotes his monograph *Plato's Teaching on Ideas and Mathematics* to the interpretation of the nature of mathematical knowledge as a model of all theoretical knowledge without which cognition is impossible. Cohen is interested in how pure science can be cognition of real objects (Sekundant, 2010, p. 220). It should be noted that infinitesimal values played a heuristic role in Cohen's thinking on this question and in his construction of his own critical-cognitive approach to this problem (see: Belov, 2018; Bertolino, 2018; Sekundant, 2010). Although this approach has something of the antique tradition about it, the key is the critical view which takes into account the evolution of scientific knowledge and makes it possible

⁶ "Keine Erfahrung, kein einzelner Triangel beweist mir, dass in jedem Triangel zwei Seiten zusammen grösser sind, als die dritte: aus meiner Anschauung folgt es mit einer Gewissheit, welche man von jeher, nur nicht mit systematischer Konsequenz, als Muster der Gewissheit, als Evidenz, als Anschauungs – Gewissheit ausgezeichnet hat. Meine Anschauung ist es, welche jene Gewissheit herrichtet."

психологическом значении» (Бертолино, 2018, с. 76–77). Для этого следует произвести критику психологизации априорных форм пространства и времени; иными словами, Коген ставит проблему психологизма в теории познания, спасти от которого может последовательное проведение программы логицизма в интерпретации наследия Канта.

Согласно Когену, априорные формы чувственности — это то, что порождает «верные предубеждения», что обеспечивается существованием научной объективности (в идеальном виде — в форме ньютоновской механики для Канта) и обеспечивает научные успехи и открытия. И ввиду недоговоренности, неокончателности и недопонятости Кантовых трактовок исследователи «не знают ценности подобного чистого созерцания» (Коген, 2012, с. 186).

Как же представлены пространство и время в трансцендентальном опыте, по Когену? Заявляя, что главная цель его труда — прояснить все элементы теории опыта, представленные в критицизме Канта, Коген главным образом пишет о пространстве и лишь вскользь упоминает время. Онтологическая непроработанность (отсутствие объективистской или субъективистской позиции, субстанциалистского или реляционистского подхода и пр.) объясняется тем, что пространство и время для Когена — лишь инструменты мышления. В отличие от Канта, полагающего, что первая ступень познания начинается с ощущений, представленных рассудку с помощью априорных форм чувственности — пространства и времени, Коген не придает ощущениям и чувственности серьезного значения. Т. Б. Длугач пишет:

Если мы признали, что познание не начинается с ощущений, то все же какую-то роль они играют? Согласно Когену, да, но совсем не такую, какую приписывал им Кант. Ощущения вообще в *логику* познания не входят, они — накануне, в *эстетике*, и роль их состоит только в том, что они свидетельствуют, что мы

“to prevent the theory of cognition from being again falsely understood in the psychological sense” (Bertolino, 2018, pp. 76-77). To this end critique of the psychologisation of *a priori* forms of space and time is necessary; in other words, Cohen raises the question of psychologism in the theory of cognition, the only remedy for which is consistent adherence to the programme of logicism in the interpretation of Kant’s heritage.

According to Cohen (1885, p. 124), *a priori* forms of sensibility is what engenders “the right presuppositions”, which is ensured by scientific objectivity (ideally, in the form of Newtonian mechanics for Kant) and ensures scientific breakthroughs and discoveries. Researchers “do not know the value of such pure intuition”⁷ because Kantian ideas are not fully explained, are not final and have not been entirely understood.

How are space and time represented in transcendental experience according to Cohen? While he declares that his main aim is to clarify all the elements of the theory of experience represented in Kant’s critical philosophy, Cohen writes mainly about space and only mentions time in passing. His argument is ontologically wanting (lack of a stated objectivist or subjectivist position, substantialist or relationist approach, etc.) because for Cohen space and time are merely instruments of thought. Unlike Kant, who believes that cognition begins with sensations presented to understanding through *a priori* forms of sensibility, space and time, Cohen does not attach much significance to sensations and sensibility. Tamara B. Dlugach (2016, p. 149) writes:

If we have conceded that cognition does not begin with sensations, do they still play some role? According to Cohen, yes, they do, but not the role ascribed to them by Kant. In

⁷ Cf. “Man kennt den Werth einer solchen reinen Anschauung noch nicht.”

с чем-то столкнулись, но [ответить на вопрос,] что такое это нечто, и даже поставить вопрос об этом нечто ощущения не могут. <...> Он упрекает Канта в том, что в его системе трансцендентальный метод «как бы сгорает в ощущении» (Другач, 2016, с. 149).

Для Когена предмет знания конструируется в мышлении. Причем мышление выполняет две задачи: во-первых, оно формирует сущностную сторону предмета, во-вторых, выступает как образ, вид предмета. В первом случае мышление *мыслит*, а во втором — *созерцает*. Так вот, в первом случае время и пространство, как и иные характеристики естествознания, выступают в качестве понятий, с помощью которых мысль производит знание, а во втором время и пространство — образные элементы, способствующие формированию целостного образа предмета.

Стало быть, пространство и время, по Когену, некорректно называть понятиями или категориями. Коген отмечает, что Кант различал созерцания и философские понятия. Как он пишет, «пространство и время являются абстрактными понятиями — это единодушное решение, которое давала докантовская философия» (Коген, 2012, с. 159). Но такая трактовка стала основанием фундаментальных различий среди философов относительно вопроса о врожденности или приобретенности идей пространства и времени. Считать пространство и время понятиями ошибочно еще и потому, что «логические понятия не могут быть достаточными для того, чтобы конструировать опыт, который развертывает содержание единичного в синтетическое знание» (Там же, с. 182). Итак, мы лишь пользуемся пространством и временем как понятиями, но их истинный смысл глубже: они составляют конструктивную подоснову знания. Коген предпочитает использовать такие наименования, как «сознание пространства», «представление пространства», что никак нельзя свести к логиче-

general, sensations do not come into the *logic* of cognition, they are prior, belonging to *aesthetics*, and their role consists only in that they attest that we have encountered something but they cannot answer the question what this something is, and indeed sensations cannot even pose the question about this something. [...] He admonishes Kant because in his system the transcendental method “burns up, as it were, in sensation”.

According to Cohen, the object of knowledge is constructed in thought. Thought performs two tasks: first, it forms the essence of the object; second, the image, the look of the object. In the former case thinking *thinks* and in the latter case it *contemplates*. So in the former case time and space, like other characteristics of natural science, are concepts with the help of which thought produces knowledge, and in the latter case time and space are image elements that help to form a complete image of the object.

Thus, according to Cohen, it would be wrong to call space and time concepts or categories. Cohen notes that Kant distinguished intuitions and philosophical concepts. He writes that “space and time are abstract concepts — this is the unanimous verdict of pre-Kantian philosophy”⁸ (Cohen, 1885, p. 91). But this interpretation gave rise to fundamental differences among philosophers as to whether the ideas of space and time are inborn or acquired. Another reason why it would be wrong to consider space and time to be concepts is that “logical concepts cannot be sufficient to construct experience which unfolds the content of the singular into synthetic knowledge”⁹ (*ibid.*, p. 119). So, we merely use space and time as concepts, but

⁸ “Raum und Zeit sind abstracte Begriffe — dies ist die einstimmige Lösung, welche die vorkantische Philosophie gegeben hat.”

⁹ “Die logischen Begriffe können daher nicht ausreichend sein, die Erfahrung, welche den Inhalt des Einzelnen in synthetischen Erkenntnissen entfaltet, in jenen Entwürfen zu construieren [...]”

скому понятию напрямую. При этом, вопреки оценке Лапшина о понятийном схематизме Когена, который разобщает философов в вопросе о пространстве и времени, можно увидеть и сближающие их моменты.

4. Время и пространство в работах Лапшина

Как отмечает Н. А. Дмитриева, «неокантианские идеи — не в последнюю очередь, по-видимому, марбургского неокантианства, — оказали на Лапшина серьезное влияние. Уже в первых своих работах Лапшин поставил вопрос о теории познания как основе формальной и, позднее, символической логики, а также — об активности гносеологического субъекта по отношению к объекту» (Дмитриева, 2007, с. 139). Подобно Когену, Лапшин, с одной стороны, отстаивает классические формулировки Канта о пространстве и времени (например, вступает в спор о «пустом» пространстве и времени), а с другой — стремится переработать отдельные положения, чтобы «усилить» кантовскую позицию, сделав ее пригодной и для нужд неокантианской философии, исследующей главным образом природу научно-теоретического знания. В этой переработке спatio-темпоральных элементов — из априорных форм чувственности в априорные формы мышления — и формируется собственная концепция Лапшина.

Следует отметить, что Лапшин, испытывая глубокое почтение к гению Канта, защищает смелость и актуальность, глубину концепции «одного из благороднейших представителей человеческой мысли». Он обращает внимание на то, что современники-естествоиспытатели безосновательно отвергают критический идеализм Канта, питая страстную антипатию к нему, а по сути — просто боятся его, поскольку рассматривают в своих науках развитие объектов во времени и сосредоточены на эволюционной идее. Отсюда неприятие и непонима-

their true meaning lies deeper: they make up the constructive sub-base of knowledge. Cohen prefers such terms as “consciousness of space,” “representation of space” which cannot be directly reduced to a logical concept. In contrast to Lapshin, who charges Kant with conceptual schematism which divides philosophers on the question of space and time, one can see things they have in common.

4. Time and Space in Lapshin's Works

Dmitrieva (2007, p. 139) notes that “neo-Kantian ideas — not least probably those of the Marburg neo-Kantianism — exerted considerable influence on Lapshin. Already in his early works Lapshin raised the question of the theory of cognition as the basis of formal, and later, symbolic logic as well as the active role of the epistemological subject vis-à-vis the object”. Like Cohen, Lapshin, on the one hand, upholds classical Kantian propositions on space and time (he weighs in on the issue of “empty” space and time) and, on the other hand, he tries to rework some propositions to “bolster” Kant's position by making it fit the needs of neo-Kantian philosophy, which studies primarily the nature of scientific-theoretical knowledge. Lapshin's own conception emerges from this reworking of spatial-temporal elements from *a priori* forms of sensibility into *a priori* forms of thought.

It has to be said that Lapshin, who felt great reverence for Kant's genius, defends the audacity, relevance and depth of the concept of “one of the noblest representatives of human thought.” He claims that contemporary natural scientists who felt great animus towards Kant, groundlessly rejected Kant's critical idealism, but in reality were simply afraid of him because in their sciences they studied the development of objects in time and concentrated on the evolutionary idea. Hence their rejection of and fail-

ние «иллюзорности» времени, его «призрачности» у Канта. Такое восприятие философских идей Канта Лапшин описывает с ироничным неодобрением: «Если весь мир познается нами лишь как наше представление, если все его прошлое рисуется перед нами лишь как ряд наших собственных представлений в настоящем, если пространство и время появились на свет лишь вместе с сознанием, то каким же абсурдом должно быть изучение развития вселенной до появления на ней живых существ и человека!» (Лапшин, 1900, с. 842). Сам он далее, привнося некоторые поправки в теорию априорных форм чувственности, всячески обосновывает релевантность кантовского наследия активно развивающейся науке и идее научного творчества, а беспочвенное отвержение критического идеализма именуется «трусостью в мышлении». Подобный страх перед идеями «сильнейшим образом влияет на логические выводы... в сфере чисто научной мысли» (Там же, с. 852). В этом страхе перед несогласующимися с собственной точкой зрения философскими концептами и состоит подлинный догматизм, который ученым нужно преодолевать, руководствуясь Кантом. Рассмотрим, как именно русский философ предлагал актуализировать идеи великого кёнигсбержца.

Лапшин обращает внимание на некоторую степень непроясненности функций и природы априорных форм чувственности у Канта (а ведь по этому поводу написана и работа Когена). Лапшин рассуждает:

Мне кажется также, что сама *нерешительность* Канта о праве судить о чистом пространстве и времени характеристична. Он как бы говорит: на самом деле судить о чистых созерцаниях, как о понятиях, мы не имеем право, но попробуем, по крайней мере, ошибка будет невелика. Но принимая во внимание, что немыслимость пустого пространства и времени как объектов опыта составляет основу «Критики», что для Канта (он это постоянно повторяет) наличность ощущений в

ure to understand the “illusory” character and “ghostliness” of time in Kant’s account. Lapshin (1900, p. 842) describes such perception of Kant’s philosophical ideas with ironic disapproval: “If we cognise the whole world only as our representation, if all its past is painted before us only as a series of our own representations in the present, if space and time appeared only together with consciousness, how absurd it would have been to study the development of the universe before living beings and the human appeared in it.” Further, making some adjustments to the theory of *a priori* forms of sensibility, he vehemently defends the relevance of the Kantian legacy to the rapid development of science and the idea of scientific creative endeavour, while declaring groundless rejection of critical idealism to be “cowardice of thinking”. Such fear of ideas “greatly influences logical conclusions in the sphere of pure scientific thought” (*ibid.*, p. 852). The fear of philosophical concepts which are at odds with their own viewpoint constitutes true dogmatism, which scientists should seek to overcome under Kant’s guidance. Let us see how the Russian philosopher proposed to actualise the ideas of the great citizen of Königsberg.

Lapshin draws attention to the fact that Kant does not completely clarify the function and nature of *a priori* forms of sensibility (note that Cohen wrote about this, too). Lapshin (1906, p. 52) reasons as follows:

It also seems to me that Kant’s very *indecision* concerning the right to judge about pure space and time is characteristic. He seems to say: in reality we have no right to judge about pure intuitions as concepts, but it’s worth an attempt and, at least, the error would not be great. But considering that inconceivability of empty space and time as objects of experience forms the core of *Critique*, that for Kant (as he constantly repeats) the presence of sensibility in cognition is *etwas sehr Positives und ein un-*

познании есть «etwas sehr Positives und ein unentbehrlicher Zusatz»² к мышлению, мы должны допустить, что пространство и время суть в сущности такие же понятия, как и качество, количество, причинность, субстанциальность, т.е. — *высшие роды, категории познания, а не чистые созерцания* (Лапшин, 1906, с. 52).

Что же побуждает Лапшина мыслить время и пространство как категории, понятия? Русский философ сопоставляет их с понятиями, которые в принципе не имеют «чувственного субстрата» — например, «качества» или «звука вообще». Всякий раз их применение требует конкретизации (такое-то качество, такой-то звук и т.д.). То же, по мнению Лапшина, происходит и с понятиями пространства и времени: «всякая интуиция пространства и времени, — пишет он, — есть только иллюстрация пространства и времени» (Там же, с. 51). Но почему же Кант относился к ним лишь как к априорным формам созерцания? Лапшин усматривает здесь *психологическую* ошибку кёнигсбергского мыслителя. Для Канта чувственность (чистые ощущения) саму по себе помыслить невозможно: каждая категория, «отрешенная» от чувственного содержания, — «фикция». Чтобы подыскать соответствующее чувственное содержание мыслимому понятию, необходимы «посредствующие звенья» между рассудком и чувственностью — формы времени и пространства: «При посредстве аппрегенсии во времени мы можем наглядно иллюстрировать категорию количества, построив *число*; ощущение, обладающее реальностью во времени, будет для нас иллюстрировать категорию *качества*...» (Там же, с. 53).

Но, если «всмотреться» в ситуацию мышления этого посредничества, то время само по

² Лапшин здесь ссылается на кантовскую «Антропологию с прагматической точки зрения»: «...чувственность — нечто очень позитивное и служит необходимым для познания дополнением к рассудочному представлению» (AA 07, S. 141 Anm.; Кант, 1994, с. 157, примеч.).

*entbehrlicher Zusatz*¹⁰ to thinking, we should assume that space and time are essentially no different from such concepts as quality, quantity, causality, substantiality, i.e. the *highest genera, categories* of cognition, and not *pure intuitions*.

What causes Lapshin to think of time and space as categories, concepts? He compares them to concepts which in principle have no “sensible substratum,” e.g. “quality” or “sound in general.” Each time they are used they have to be specified (such and such quality, such and such sound, etc.). Lapshin argues that the same thing happens to the concepts of space and time: “each intuition of space and time, he writes, is merely an illustration of space and time” (*ibid.*, p. 51). Why, then, did Kant consider them to be merely *a priori* forms of intuition? Lapshin discerns here Kant’s *psychological* mistake. For Kant, sensibility (pure sensations) *per se* is inconceivable: a category divorced from sensible content is a “fiction”. To find corresponding sensible content for the concept being thought, there have to be “mediating links” between understanding and sensibility, i.e. forms of time and space: “Through apprehension in time we can vividly illustrate the category of quantity by forming a *number*; a sensation that is real in time would illustrate the category of *quality* [...]” (*ibid.*, p. 53).

However, if we take a closer look at the situation of thinking this mediation, time by itself, as Lapshin demonstrates, is not pure intuition: in it the concept is separated from sensibility, like in any category (time and space as such and as characteristics of concrete processes). Kant’s *psychological* mistake, Lapshin argues, consists in the following:

¹⁰ Lapshin quotes Kant’s *Anthropology from the Pragmatic Point of View*: “[...] sensibility is something very positive and an indispensable addition to ideas of the understanding [...]” (AA 07, p. 141n; Kant, 2007, p. 251n).

себе, как демонстрирует Лапшин, не есть чистое созерцание: в нем понятие отделено от чувственности, как и в любой категории (время и пространство как таковые и как характеристики конкретных процессов). *Психологическая* ошибка Канта, как полагает Лапшин, заключается в том, что

всякое чистое созерцание есть только *приближение* к непредставимому идеалу-понятию, но пространственные понятия всего легче смешать с пространственными интуициями, потому что в последних чувственная примесь так мала, что может быть мысленно отброшена как *quantité négligeable* без всякого ущерба при пользовании понятием. Но не только с философской, но даже и с практической точки зрения отождествление интуиции и понятия недопустимо, как это можно видеть из геометрических софизмов, опирающихся на неверный чертеж (Там же, с. 54).

К сожалению, Кант, представляющий себе мир вещей «через посредство зрения», не учел столь значимого психологического эффекта и, в поисках эмпирической точности, воспринял пространственные и временные понятия как созерцательные формы.

Лапшин же исходит из идеи, что пространство и время — понятия, с помощью которых наш рассудок формулирует суждения о свойствах предметов внешнего и внутреннего мира. Заметим, что русскому философу безразлично, с какими физическими средами имеет дело познающий: пространство и время — субъективные инструменты мышления, сформированные в сознании человека при первых опытах контакта с внешним миром. Во всяком случае, как полагает Лапшин, при контакте с явлениями сознание в качественных и количественных оценках уже исходит из содержания этих понятий. Вероятнее всего, как и в случае с геометрическими аксиомами Евклида, эти понятия имеют интуитивное происхождение, объяснить их эмпирические истоки проблематич-

Any pure intuition is merely an *approximation* to an unrepresentable ideal-concept, but spatial concepts are the easiest to be confused with spatial intuitions because the sensible element in the latter is so small that it can be mentally cast aside as a *quantité négligeable* without any damage in using the concept. But the identification of intuition and concept is inadmissible not only from the philosophical, but even from the practical point of view, as will be seen from geometrical sophisms based on a wrong drawing (*ibid.*, p. 54).

Unfortunately, Kant, who sees the world of things “through sight,” overlooked such a significant psychological effect and, in search of empirical accuracy, perceived spatial and temporal concepts as forms of intuition.

Lapshin, by contrast, proceeds from the idea that space and time are concepts with the help of which our reason formulates judgments about the properties of the objects of the external and internal world. Let us note that the Russian philosopher does not care what physical environments the cognising subject is dealing with: space and time are subjective instruments of thinking formed in a person’s consciousness at the first exposure to the external world. In any case, Lapshin believes, when exposed to phenomena consciousness already proceeds from the content of the concepts in its qualitative and quantitative assessments. Most probably, as in Euclidean geometrical axioms, these concepts have an intuitive origin, the explanation of whose empirical sources is problematical. I believe that Lapshin follows the Greek mathematician in describing the universally obligatory and obvious characteristics of time as “axioms.” The axioms for time are as follows: 1) the flow of events is uninterrupted; 2) events are irreversible; 3) events cannot

но. Как нам думается, именно вослед греческому математику общеобязательные и очевидные характеристики времени Лапшин называет «аксиомами». Эти аксиомы для времени таковы: 1) непрерывность течения событий; 2) их необратимость; 3) их неповторяемость; 4) неотделимость временных перемен от моего единого сознания (Там же, с. 109). Рассмотрим их формулировки у Лапшина.

1. *Непрерывность течения событий.* В данном случае, как мы заметили, философ пишет не о времени, а об особенностях восприятия «течения» событий: они плотно пригнаны друг к другу, так что в их смене отсутствуют «пробелы» и «пустоты». Эта данная нам непрерывная последовательность событий и есть то, что, с точки зрения Лапшина, мы можем связать с понятием «время». Следует отметить, что эта аксиома не может быть принята как самоочевидная данность. Так, современный исследователь А. С. Зайкова разрабатывает концепцию, говорящую о принципе дополнительности между непрерывностью и дискретностью сознания во времени (см.: Зайкова, 2021). Можно взглянуть и на современников Лапшина, которые допускали дискретность времени. Например, Н. О. Лосский к качественным характеристикам времени относит, с одной стороны, его «сплошность» (осуществление постоянной смены моментов без разрывов), а с другой — его раздробленность, то есть представление о том, что «каждый следующий момент есть нечто новое по сравнению с предыдущими моментами», есть «непрерывная исчезаемость» (Лосский, 1995, с. 291). В общем, эта аксиома вообще не представляется всем интуитивно самоочевидной.

Далее, по Лапшину, время и пространство, будучи понятиями, непредставимы, поэтому применительно ко времени нам требуется динамическая «иллюстрация»: «качественная смена ощущений или движение, т.е. изменение пространственных отношений» (Лапшин,

be repeated; 4) temporal changes are inseparable from my indivisible consciousness (*ibid.*, p. 109). Let us examine Lapshin's treatment of these characteristics.

1. *The flow of events is uninterrupted.* As we have noticed, he writes not about time but about the perception of the “flow” of events: events are closely packed together, there are no “gaps” or “empty spaces” between them. The continuous sequence of events given to us is, in Lapshin's opinion, what we can associate with the concept of “time.” It has to be noted that this axiom cannot be taken as self-evident. For example, Alina S. Zaikova (2021), a contemporary scholar, is developing a theory of the principle of complementarity between the continuity and discreteness of consciousness in time. Some of Lapshin's contemporaries, too, believed that time could be discrete. For example, Nikolai O. Lossky (1995, p. 291) names among qualitative characteristics of time, on the one hand, its “uninterruptedness” (constant succession of moments without a break) and, on the other hand, its fragmentation, i.e. the notion that “every moment is something new compared with preceding moments,” i.e. “constant disappearance”. The bottom line is that the axiom is anything but intuitively self-evident.

Further, according to Lapshin (1906, pp. 109-110), time and space, being concepts, cannot be represented, so that with regard to time we need a dynamic “illustration”: “qualitative change of sensations or movement, i.e. a change of spatial relations”. However, time can be divided into components: present (ideal moving boundary), past and future. But essentially the link between the past and the future, the continuity of time is established on account of the coexistence with space. In this argument Lapshin proceeds from Cohen, pointing out that the latter sees the present as a moment of

1906, с. 109–110). Вместе с тем время, измеряемое равномерным движением, может быть разделено на составляющие — настоящее (идеальная подвижная граница), прошлое и будущее. Но, по сути дела, эта связь прошлого и будущего, непрерывность времени устанавливается благодаря сосуществованию с пространством. В этом аргументе Лапшин опирается на Когена, указывая, что немецкий мыслитель рассматривает настоящее как момент пространства. Без сосуществования в настоящем прошедшее и будущее гипотетически могли бы поменяться местами, но их сосуществование в пространстве задает привычный нам порядок хода событий (Там же, с. 112). Лапшин приводит спектр различных, порой полярных, представлений о реальности и интеллектуальной призрачности времени. Сам он, конечно, за реальность и инструментальность этого понятия. Он актуализирует два взаимообуславливающих свойства — «последовательность» и «одновременность», что дает возможность, с одной стороны, созерцать (мыслить) сменяемость явлений, а с другой — соотносить их друг с другом (например, прошлое с настоящим, дабы определить их темпоральный статус).

2. *Необратимость событий.* Эта аксиома дополняет предыдущую. Ее назначение — избавиться от интеллектуальных иллюзий субъекта познания, полагающего, что волевой акт способен преодолевать законы детерминации. Так, например, можно просматривать пленку киноленты в обратном направлении (пример очень популярный в западноевропейской и русской философии конца XIX — начала XX в.) и думать, что имеешь дело с визуальным случаем обратного детерминизма. Однако, как пишет Лапшин, «здесь вовсе нет обращения событий, а только образование новых рядов событий, отчасти сходных с прежними по содержанию и идущих в обратном порядке. Такая иллюстрация, как и иллюстрация четырехмерного пространства проекциями из него в трехмерное,

space. Without coexistence in the present the past and the future hypothetically could swap places, but their coexistence in space establishes the habitual course of events (*ibid.*, p. 112). Lapshin cites a range of different, sometimes polar, notions of the reality and intellectual elusiveness of time. He himself, of course, plumps for reality and instrumentality of this concept. He stresses two mutually-conditioning properties: “sequence” and “simultaneity,” which enables him, on the one hand, to contemplate (think) the succession of phenomena and, on the other, to relate them to one another (e.g. the past with the present in order to determine their temporal status).

2. *Events are irreversible.* This axiom complements the previous one. Its purpose is to rid the subject of cognition of the intellectual illusion that an act of will can overcome the laws of determination. For example, one may run a film in reverse (a popular example in Western European and Russian philosophy in the late nineteenth and early twentieth centuries) and imagine that you are watching a case of reverse determinism. However, Lapshin writes: “There is no reversal of events here, but only the formation of new sequences of events, partly similar to the former ones in content but moving in the reverse order. Such an illustration, like illustrating a 4D space by projections from it into a 3D space can only have a symbolic meaning” (*ibid.*, p. 113). Irreversibility of time has *a priori* logical grounds, which Lapshin attempts to explain in the spirit of Aleksander I. Vvedenskysky’s logicism: first, in the logical process of thought proof always precedes the conclusion; second, the laws of non-contradiction and identity demand irreversibility of time because the law of non-contradiction does not apply to the work of consciousness, which is designed in a different way (memory cannot work with reversible time, etc.), the law of contradiction is

может иметь лишь символическое значение» (Там же, с. 113). Необратимость времени имеет под собой априорные логические основания, чему Лапшин пытается строить объяснения в духе логицизма А. И. Введенского: во-первых, в логическом процессе мышления доказательство всегда предшествует выводу, во-вторых, сами законы непротиворечия и тождества требуют необратимости времени, поскольку к работе сознания, устроенного иным образом (с обратимым вспять временем невозможна работа памяти и т.п.), закон противоречия неприменим, и мы теряем всякий фундамент рациональности. Поэтому сама «мысль об обратимости времени включает в себе логическую нелепость» (Лапшин, 2006, с. 301). Следует заметить, что при развертывании этих объяснений Лапшин постоянно увязывает между собой аргументы от логических и психологических актов протекания мышления, они согласуются между собой в объяснительной силе. Здесь можно констатировать типическую черту некоторых русских университетских гносеологов: пытаясь всячески отмежеваться от психологизма (А. И. Введенский, Н. О. Лосский, Н. А. Васильев, С. И. Поварнин, Г. Г. Шпет и др.), обвиняя в нем своих оппонентов, они сами были склонны увлекаться психологическими темами в контексте постановки теоретических философских проблем.

3. *Неповторяемость событий*. Здесь Лапшин выступает против метафизиков, полагающих, что в исторической перспективе возможны событийные повторения. Главный объект нападок — Ф. Ницше, неверно усвоивший идею Юма об абсолютной повторяемости мирового процесса. Даже в тех случаях, где время плотно увязывается с пространственными объектами, этой повторяемости нет. Так, опираясь на пример химика и философа В. Ф. Оствальда, Лапшин размышляет о циклических геометрических объектах (Лапшин, 1906, с. 114–115). Неповторяемость во времени реализуется и в области познавательных практик. Обращаясь в

inapplicable, and the foundation of rationality is lost. Therefore the very “thought of reversibility of time is logically absurd” (Lapshin, 2006, p. 301). It should be noted that in elaborating these explanations Lapshin constantly links logical and psychological arguments which are coordinated in their explanatory power. This reveals a typical feature characteristic of some academic epistemologists: eager to dissociate themselves from psychologism (A. Vvedensky, N. Lossky, N. Vasilyev, S. Povarnin, G. Shpet and others) and leveling this charge against their opponents, they themselves were prone to be carried away by psychological themes in raising theoretical philosophical problems.

3. *Events cannot be repeated*. On this point, Lapshin challenges the metaphysicians who maintain that events can repeat themselves in the historical perspective. The main target of attacks is Nietzsche, who misconstrued Hume’s idea about absolute recurrence of the world process. There is no recurrence even when time is closely bound up with spatial objects. Thus, citing the example of the chemist and philosopher Wilhelm Ostwald, Lapshin (1906, pp. 114-115) reflects on cyclic geometric objects. Likewise, time is not repeatable in the field of cognitive practices. Invoking the same ideas again and again in our thoughts, Lapshin believes, we deal each time with reprocessed past in the current present.

4. *Temporal changes are inseparable from my single consciousness*. In the framework of this “axiom” Lapshin argues that consciousness has access only to that which is cognised in time. “Whether the law of contradiction is applicable to what is outside the world-representation, to time “in itself”, remains unknown. Meanwhile failure to understand that the sphere of consciousness, the significance of the law of con-

мыслях к одним и тем же идеям, мы, как полагает Лапшин, всякий раз имеем дело с переработанным прошлым в актуальном настоящем.

4. *Неотделимость временных перемен от единого моего сознания.* В рамках этой «аксиомы» Лапшин отмечает, что осознанию поддается лишь то, что сознается во времени. «Приложим ли закон противоречия к тому, — пишет философ, — что находится вне мира-представления, ко времени “в себе”, остается неизвестным. Между тем непонимание того, что сфера сознания, значимости закона противоречия и аксиом времени *для нас* одна и та же, ведет к головокружительным противоречиям мысли» (Там же, с. 115).

Во-первых, мы встречаемся здесь с достаточно интересным разграничением времени на «время для нас» и «время в себе», что отсылает к мысли, что «время в себе» есть длительность, обуславливающая существование «вещей в себе», которые находятся вне поля возможного опыта. Упомянем здесь, что знаменитый учитель Лапшина, А. И. Введенский, обращаясь к вопросу о сущности времени, полагал, что Кант ошибался именно в том, что пространство и время сами по себе не существуют. Если Кант, мол, считает мир вещей самих по себе свободным от времени, то в таком мире исчезает причинная зависимость одних событий от других. Сам Введенский обосновывал необходимость допущения времени в мире вещей самих по себе и полагал, что это необходимо для решения проблемы свободы воли, а также для разработки вопросов практической философии (см.: Введенский, 1901). Как мы видим, Лапшин усвоил эти результаты старшего кантианца, а также его идею критического логицизма, исходящего из рассмотрения естественной и нормативной природы логических законов.

Во-вторых, «время для нас», так же как и пространство, сопровождает действие законов мышления. Лапшин это обосновывает так: «Если весь материал, над которым опериру-

tradiction and time axioms *for us* is the same, leads to dizzying contradictions of thought” (*ibid.*, p. 115).

First, we encounter here a rather interesting distinction between “time for us” and “time in itself,” which suggests that “time in itself” is duration, conditioning the existence of “things in themselves” which are outside the field of possible experience. Let us note that Lapshin’s famous teacher, Vvedensky, speaking about the essence of time, believed that Kant was wrong in thinking that space and time do not exist by themselves. If Kant thinks that the world of things in themselves is free of time the causal dependence of some events on other events disappears. Vvedensky (1901) himself held that time must be present in the world of things in themselves in order to solve the problem of free will, and to tackle questions of practical philosophy. We see that Lapshin took on board the results of the older Kantian as well as his idea of critical logicism based on the natural and normative nature of logical laws.

Second, “time for us,” like space, accompanies the operation of the laws of thought. Lapshin (1906, p. 97) grounds it in the following way: “If all the material handled by our thinking [Lapshin studies feelings, volition, abstractions and other mental states from the perspective of contemporary psychology. — V.P., V.S.] is perceived as extended it is obvious that the supreme laws of our thinking are based on spatial synthesis”. For example, it is impossible to understand the equation even in the purely analytical judgment $A=A$ (i.e. apply the identity law) without a spatial synthesis relating the letters on the right-hand and the left-hand sides of the equal sign. The law of non-contradiction also presupposes some ideas of incompatible properties giv-

ет наше мышление (а Лапшин рассматривает чувствования, воление, абстракции и другие психические состояния с точки зрения современной ему психологии. — В.С., В.П.) сознается протяженным, то, очевидно, и верховные законы нашего мышления опираются на пространственный синтез» (Лапшин, 1906, с. 97). Например, невозможно усвоить тождество даже в чисто аналитическом суждении $A = A$ (то есть применить закон тождества), не имея пространственный синтез в сопоставлении букв с правой и левой стороны знака равенства. Закон «непротиворечия» также предполагает наличие неких представлений о несовместимых свойствах, которые даются в восприятии, воспоминании, эмоциях, знаках. Лапшин делает важный вывод: всякое познание требует пространственной иллюстрации понятия. Также законы мышления находятся в обязательной связи с интуицией пространства и времени: «...именно трехмерное пространство и время, наряду с другими категориями, составляют ту основу, на которой покоятся сами наши законы мышления в нашей живой мысли, ибо они покоятся на интуиции, а интуитивная наглядность предполагает именно трехмерное пространство» (Там же, с. 301). Закон непротиворечия, например, подразумевает, что мы сопоставляем предметы в одно и то же время, он оценивает состояние сознания во времени. Лапшин вслед за своим учителем Введенским считает, что мы не можем знать, приложимы ли законы логики вне представлений, ко «времени в себе» (см. об этом, напр.: Бродский, 2013, с. 249–251).

5. Общее и различия в спATIO-темпоральных концепциях Когена и Лапшина

Итак, мы рассмотрели базовые черты пространственно-темпоральных концепций Когена и Лапшина. Как общее в работах неокантианцев прочитывается стремление демаркировать пространство и время от области чув-

en in perception, reminiscences, emotions, and signs. Lapshin draws an important conclusion: all cognition calls for a spatial illustration of a concept. Such laws of thought are necessarily linked with the intuition of space and time: “[...] it is three-dimensional space and time, along with other categories, that forms the basis on which rest our laws of living thought, for they rest on intuition, and intuitive visibility presupposes three-dimensional space” (*ibid.*, p. 301). For instance, the law of non-contradiction assumes that we compare objects at one and the same time, it assesses the state of our consciousness in time. Following his teacher, Vvedensky, Lapshin believes that we cannot know whether or not the laws of logic are applicable outside representation to “time in itself” (see on this, for example, Brodsky, 2013, pp. 249-251).

5. Common and Differing Features in the Spatio-Temporal Concepts of Cohen and Lapshin

We have examined the main features of Cohen’s and Lapshin’s conceptions of space and time. Both seek to demarcate space and time from the area of sensible cognition. They both deny any possibility of psychologising the critique of cognition and adhere to logicism, with each consistently promoting it in his own way (Lapshin’s vision of logicism as the reflection of logical procedures and laws was undoubtedly influenced by Vvedensky). Both thinkers proceed from the idea of the “givenness” of parameters of experience, one of the forms of the subject’s rational activity. Space and time are interconnected categories. It can be said that time is a category that structures space. This is how Lapshin (1906, p. 112) sums up and comments on Cohen’s view of the present:

ственного познания. Их объединяет отрицание всякой возможности психологизирования критики познания и приверженность логицизму, последовательное продвижение которого обладает своеобразием у каждого из философов (в случае Лапшина на его видение логицизма как рефлексии логических процедур и законов, несомненно, оказал влияние Введенский). Оба мыслителя исходят из идеи «заданности» параметров опыта — одной из форм рациональной деятельности субъекта. Пространство и время — взаимосвязанные категории. Можно даже сказать, что время — категория, структурирующая пространство. Лапшин воспроизводит и комментирует взгляды Когена на настоящее следующим образом:

Настоящее есть *момент пространства*. Настоящее есть сохранение того, что без него погрузилось бы в прошедшее. Это сохранение (*Festhaltung*) осуществляет сосуществование (*Beisammen*), прежде всего совместность (*Zusammen*) пространства. На почве этого сосуществования образуется новое соотношение между A1 и A2. Эти элементы были бы по времени только прошедшим и будущим или, собственно говоря, могли бы обозначать и обратное. Теперь у них возник новый пункт отношений, возникла новая сфера отношения (Лапшин, 1906, с. 112).

Лапшин отмечает здесь, что в пространстве событий прошлое от будущего отделяет настоящее, не позволяя им слиться. «Настоящее» и «сосуществование» (прошлого и будущего) суть два понятия, обозначающих, по его мнению, одно и то же проявление мышления: одно — с точки зрения времени, а другое — пространства. Однако не совсем ясно, чем является настоящее само по себе, то есть с качественной точки зрения. Может ли оно, кроме функции разделения, обозначать становящееся? На наш взгляд, выделение становящегося на фоне возможного и ставшего есть уже акт рефлектирующего сознания, тогда как в лапшинской концепции «я» не рефлексивирует. «Я»

The present is a *moment of space*. The present is preservation of what would have sunk into the past without it. This preservation (*Festhaltung*) is effected by the coexistence (*Beisammen*), above all the compatibility (*Zusammen*) of space. This co-existence gives rise to a new relationship between A1 and A2. These elements would have been, time-wise, only the past or the future, or, indeed, could have meant the reverse. Now they have a new point of relations, a new sphere of relations.

Lapshin stresses that in the space of events the past is separated from the future by the present, preventing them from merging. “The present” and “coexistence” (of the past and the future) are two concepts which, in his opinion, signify one and the same manifestation of thinking: one from the viewpoint of time and the other from the viewpoint of space. However, it is not quite clear what the present is itself from the qualitative point of view. Can it, apart from the function of separation, signify what is emerging? I believe that isolation of the emergent against the background of the possible and what has emerged is already an act of reflecting consciousness, whereas in Lapshin’s conception the “I” does not reflect. In Lapshin the “I” is at the intersection of cognitive flows and logical functions that ensures the quality of the passage of information. On this Cohen and Lapshin are extremely close.

There are differences, however. In Cohen’s conception the emphasis is on space as the logical principle of relating concepts, and in Lapshin’s works space and time are balanced. In interpreting the Kantian concept they both broadened and adjusted the functions of space and time. Time, in the concrete manifestations of rationality, can be used only within the limits of the above-cited axioms, which ensures the rigour of the philosophical statement. Lapshin believes that in the reality of thought (includ-

у Лапшина — перекрестье познавательных потоков и логических функций, обеспечивающее качество прохождения информации. В этом подходы Когена и Лапшина предельно близки.

Однако есть и различия. В концепции Когена акцент делается на пространстве как логическом принципе соотнесения понятий, а в лапшинских работах пространство и время уравновешены. Их познавательные функции при интерпретации кантовской концепции были расширены и уточнены. Время в конкретных проявлениях рациональности может быть использовано лишь в пределах вышеприведенных аксиом, что обеспечивает строгость философского высказывания. При этом, по мысли Лапшина, пространство и время, являясь понятийными конструктами, в реальности мышления (в том числе и философского) не могут быть абсолютно лишены содержательности и корреляции с вербализацией, с языком. В этом контексте интересно, что, трактуя понятие как логическую форму, Лапшин придерживался содержательного логического подхода и критиковал объемный. Это видно из его статьи о логике отношений С. И. Поварнина: «Понятие есть нечувственное единство, хотя необходимо коррелятивное со словами, образами и чувствами» (Лапшин, 1917, с. 44). Поэтому-то пространство и время как понятия, то есть формы (категории) мышления, сопровождая его реальную работу, обязательно оказываются непусты. И хотя они не могут быть получены из чувственного содержания опыта, но они от этого содержания неотделимы, «они не чистые созерцания, хотя более других категорий приближаются к таковым, а только понятия, категории мысли, которые никогда не даны в созерцании» (Лапшин, 1906, с. 58).

Коген — трансцендентальный логицист, потому что критика познания рассматривается им как трансцендентальная логика (см.: Белов, 2018, с. 69). Как отмечает З. А. Сокулер, «пафосом когеновской философии является автономия чистого мышления» (Сокулер, 2021, с. 381).

ing philosophical thought) space and time, being conceptual constructs, cannot be absolutely stripped of content and of correlation with verbalisation, i.e. language. In this context, it is interesting that in treating the concept as a logical form, Lapshin adhered to the substantive logical approach and criticised the three-dimensional approach. This is clear from his article on Povarnin's logic of relations: "The concept is a non-sensible unity, although necessarily correlating with words, images and feelings" (Lapshin, 1917, p. 44). That is why space and time as concepts, i.e. forms (categories) of thought, in accompanying its real work, are never empty. Although they cannot be obtained from the sensible content of experience, they are inseparable from this content, "they are not pure intuitions, although they are closer to them than other categories, but are merely concepts, categories of thought which are never given in intuition" (Lapshin, 1906, p. 58).

Cohen is a transcendental logicist because he considers the critique of cognition to be transcendental logic (see Belov, 2018, p. 69). As Sokuler (2021, p. 381) observes, "the pathos of Cohen's philosophy is the autonomy of pure thought". Pure thinking cannot have any other origin than itself. Thus, for example, Cohen (1885, p. 104) stresses that "I can think space without objects precisely in scientific abstraction, for example in order to highlight geometry, and attain all the more surely the object on this path".¹¹ According to Cohen, space and time cannot be defined by the empirical conditions of their use; on the contrary, theoretical concepts predetermine the language of observation and ground scientific experience. Thus, the forms of thought must not assume any con-

¹¹ "Denken aber kann ich den Raum ohne Gegenstände, nämlich in wissenschaftlicher Abstraction, etwa um die Geometrie zu beleuchten, und auf diesem Wege um so sicherer zum Gegenstande zu gelangen."

Чистое мышление не может иметь никакого начала, кроме самого себя. Так, например, Коген подчеркивает, что «мыслить пространство я могу и без предметов, именно в научной абстракции, чтобы высветить геометрию, и на этом пути более определенно добиться предмета» (Коген, 2012, с. 170). Согласно Когену, пространство и время как понятия не могут определяться эмпирическими условиями их применения; напротив, сами теоретические понятия предустанавливают язык наблюдения и фундируют научный опыт. Таким образом, формы мышления не должны принимать никакого содержания как данности. Коген отстаивает продуктивность исключительно чистого мышления. В этом вопросе он более категоричен, чем Лапшин. И все же они сходятся в неприятии психологистских трактовок Кантовой схемы познания, в том, что пространство и время не могут быть заимствованы из внешних явлений, не могут быть получены путем абстракции из суммы опытных данных. Наш опыт недостаточен для создания пространства и времени, потому что пространство и время сами определяют наш опыт.

Еще одним моментом, сближающим рассматриваемых нами философов, является внимание к реальной истории познания и попытка соединить априорные структуры субъекта познания с его исторической вовлеченностью в становление и развитие науки. З. А. Сокулер замечает, что Коген вовсе не делает ожидаемого от него «допущения внеисторического неизменного субъекта, или сознания, структура которого предопределяет все дальнейшее историческое развитие» (Сокулер, 2013, с. 158). И Коген, и Лапшин действуют как историки научно-философской мысли, в которой каждое значимое звено неслучайно, и признают, что в развитии науки есть объективные фундаментальные связи, основанием которых является априорная специфика человеческого познания. Вот почему вопрос о пространстве и времени в структуре познания выводится у них на первый план и требует детального разъяснения.

tent as a given. Cohen upholds the productivity only of pure thinking. Cohen is more categorical on this issue than Lapshin. Even so, they both reject the psychological propositions of Kant's scheme of cognition in that space and time cannot be borrowed from external phenomena, cannot be obtained through abstraction from the sum of experiential data. Our experience is not sufficient to create space and time because space and time themselves determine our experience.

Another feature the two philosophers share is their attention to the real history of cognition and the attempt to combine *a priori* structures of the subject of cognition with historical involvement in the emergence and development of science. Sokuler (2013, p. 158) notes that Cohen, contrary to expectation, does not "assume an unhistorical immutable subject or consciousness whose structure predetermines all further historical development". Both Cohen and Lapshin act as historians of scientific-philosophical thought in which no significant link is accidental, and recognise that there are objective fundamental connections in the history of science that are based on *a priori* features of human cognition. That is why they give prominence to the question of space and time in the structure of cognition as the question which calls for a detailed explication.

At the end of the day, they sought to create a normative portrait of a scientific human, creator of scientific-theoretical knowledge, whose work is informed with "oughtness". Without it, it is impossible to think the idea of a human being as a unified whole because both Lapshin and Cohen reveal underlying links of cognitive apriorism, logicism, science-centricity with ethics and anthropology (for more Cohen thinking on this see Dmitrieva, 2010; 2021). Establishing these correlations is a major and interesting research topic.

По сути дела, философы желали сформировать нормативный портрет человека-ученого, создателя научно-теоретического знания, в работе которого неизбежно присутствует модус должностования. Помыслить идею «единого человека» без этого невозможно, потому в концепциях Лапшина и Когена явно читаются глубинные связи познавательного априоризма, логицизма, наукоцентризма с этикой и антропологией (подробнее об этом у Когена см.: Dmitrieva, 2010; Дмитриева, 2021). Установление этих корреляций — отдельная большая и интересная тема для исследования.

6. Заключение

Современное русскому и немецкому неокантианцам естествознание оперировало новым в сравнении с кантовской парадигмой пониманием пространства-времени. Однако это понимание было достигнуто благодаря критицизму Канта, в котором пространство и время неразрывно увязывались с теоретической работой познающего субъекта. Тем самым, как пишет Лапшин, «обнаруживается их неразрывная логическая корреляция: абсолютизм понятий сменяется релятивизмом» (Лапшин, 1906, с. 166–167). Когена и Лапшина объединяет общность эпистемологической задачи: осуществление дела Канта в виде критики современной им эмпирической философии науки, претендующей на исключительную монополию в объяснении механизмов роста научного знания; проработка фундаментального понятийного каркаса знания, который в новой неклассической рациональности позволяет конструировать объекты исследования, обеспечивает способность теоретического мышления создавать материю науки и давать эвристические результаты, отталкиваясь от самого чистого мышления.

Благодарность. Данное исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00302а «Темпоральные размышления в русской философии XIX–XX вв.: опыт реконструкции и актуализация».

6. Conclusion

The natural sciences at the time of the neo-Kantians used a different space-time paradigm than Kant in his time. However, this new paradigm was achieved thanks to Kant's critique in which space and time were inseparably linked with the work of the cognising subject. This, Lapshin (1906, pp. 166-167) writes, "revealed their inseparable logical correlation: relativism replaces absolutism of concepts". Cohen and Lapshin had a common epistemological task: promoting Kant's cause through critique of contemporary empirical philosophy of science which claimed a monopoly in explaining the mechanisms of the growth of scientific knowledge; and developing a fundamental conceptual framework of knowledge which, in a new non-classical rationality, makes it possible to construct research objects and enables theoretical thinking to create the matter of science and deliver heuristic results proceeding from pure thinking itself.

Acknowledgement. This study has been sponsored by the Russian Fundamental Research Foundation, Project № 19-011-00302a "Temporal Reflections in Russian Philosophy of the 19th-20th Centuries: Experience of Reconstruction and Actualization".

References

- Beiser, F.C., 2018. *Hermann Cohen: An Intellectual Biography*. Oxford: Oxford University Press.
- Belov, V.N., 2012. Introduction to the Translation of *Kant's Theory of Experience*. In: H. Cohen, 2012. *Teoriya opyta Kanta [Kant's Theory of Experience]*. Translated [into Russian] by V.N. Belov. Moscow: Akademicheskij Projekt, pp. 5-69. (In Rus.)
- Belov, V.N., 2018. The Infinitesimal Method as a Principle of the Theory of Cognition in the Systematic Constructions of H. Cohen. *Voprosy filosofii*, 3, pp. 68-74. (In Rus.)

Список литературы

Белов В. Н. Предисловие к переводу «Теории опыта Канта» // Коген Г. Теория опыта Канта / пер. с нем. В. Н. Белова. М. : Академический Проект, 2012. С. 5–69.

Белов В. Н. Метод бесконечно малых как принцип теории познания в систематических построениях Г. Когена // Вопросы философии. 2018. №3. С. 68–74.

Белов В. Н. Русское неокантианство в истории европейской философии и культуры // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 41–50.

Бертолино Л. Инфинитезимальный метод у Германа Когена, Франца Розенцвейга и Жюль Делёза // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 75–88.

Бродский А. И. Метафизический конструктивизм И. И. Лапшина // Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин. М. : РОССПЭН, 2013. С. 246–254.

Введенский А. И. Спор о свободе воли перед судом критической философии // Философские очерки. СПб. : Тип. «В.С. Балашев и Ко», 1901. С. 69–114.

Демин М. Р. Право на Канта: к спору Адольфа Тренделенбурга и Куно Фишера // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М. : РОССПЭН, 2010. С. 66–85.

Длугач Т. Б. Загадки трансцендентального идеализма (Марбургская школа кантианства) // Историко-философский ежегодник'2016. М. : Аквилон, 2016. С. 145–164.

Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М. : РОССПЭН, 2007.

Дмитриева Н. А. Понятие «априори» в немецком и русском неокантианстве // Многообразие априори : материалы междунар. конф. на философском ф-те РГГУ 19–20 апреля 2012 г. / под ред. А. Н. Круглова. М. : Канон+, РОИИ «Реабилитация», 2013. С. 129–147.

Дмитриева Н. А. Понятие человека в философии Германа Когена // Восьмой Российский Философский Конгресс «Философия в полицентричном мире». Секции (I) : сб. науч. ст. М. : Логос ; ООО «Новые печатные технологии», 2021. С. 596–598.

Дмитриева Н. А., Саккетти А. Л. Философия Германа Когена / публ., предисл., коммент. Н. А. Дмитриевой // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 2. С. 95–130.

Зайкова А. С. Дискретность и непрерывность сознания во времени // Восьмой Российский Философский Конгресс «Философия в полицентричном мире». Секции (II) : сб. науч. ст. М. : Логос ; ООО «Новые печатные технологии», 2021. С. 2247–2250.

Belov, V.N., 2020. Russian Neo-Kantianism in the History of European Philosophy and Culture. *Voprosy filosofii*, 4, pp. 41-50. (In Rus.)

Bertolino, L., 2018. The Infinitesimal Method by Hermann Cohen, Franz Rosenzweig and Gilles Deleuze. *Voprosy filosofii*, 3, pp. 75-88. (In Rus.)

Brodsky, A.I., 2013. I.I. Lapshin's Metaphysical Constructivism. In: V.N Brushinkin and V.S. Popova, eds. 2013. Neokantianstvo v Rossii: Ivanovich Vvedensky, Ivan Ivanovich Lapshin. [*Neo-Kantianism in Russia: Alexander Ivanovich Vvedensky, Ivan Ivanovich Lapshin*]. Moscow: ROSSPEN, pp. 246-254. (In Rus.)

Demin, M.R., 2010. The Right to Kant: on the Dispute between Adolf Trendelenburg and Kuno Fischer. In: I. Griftsova and N. Dmitrieva, eds. 2010. *Neokantianstvo nemetskoe i russkoe: mezhdru teoriej poznaniya i kritikoj kultury*. [*German and Russian Neo-Kantianism: Between the Theory of Cognition and the Critique of Culture*]. Moscow: ROSSPEN, pp. 66-85. (In Rus.)

Dlugach, T.B., 2016. Riddles of Transcendental Idealism (Marburg School of Kantianism). *History of Philosophy Yearbook'2016*, pp. 145-164. (In Rus.)

Dmitrieva, N.A., 2007. *Russkoe neokantianstvo: "Marburg" v Rossii. Istoriko-filosofskie ocherki* [*Russian Neo-Kantianism: "Marburg" in Russia. Historical and Philosophical Essays*]. Moscow: ROSSPEN. (In Rus.)

Dmitrieva, N.A., 2010. Mensch und Geschichte. Zur 'anthropologischen Wende' im russischen Neokantianismus. *Etica e Politica*, 12(2), pp. 82-103, [online] Available at: <<http://hdl.handle.net/10077/5103>> [Accessed: 17 January 2022].

Dmitrieva, N.A., 2013. The Concept of "A Priori" in German and Russian Neo-Kantianism. In: Kruglov A.N., ed. 2013. *Mnogoobrazie apriori. Materiali mezhdunarodnoy konferentsii na filosofskom fakultete RGU 19–20 aprelia 2012 g.* [*Diversity of A Priori. Proceedings of the International Conference at the Faculty of Philosophy of RSUH, 19 – 20 April 2012*]. Moscow: Kanon, pp. 129-147. (In Rus.)

Dmitrieva, N.A., 2021. The Concept of Human Being in Herman Cohen's Philosophy. In: A.V. Smirnov and A.Ju Antonovskiy, eds. 2021. *Vos'moy Rossijskij filosofskij kongress "Filosofia v politcentrichnom mire"* [*The 8th Russian Philosophical Congress "Philosophy in a Polycentric World". Sections (I)*]. Moscow: Logos, "Novye pechatnye technologii", pp. 596-598. (In Rus.)

Dmitrieva, N.A. and Sakketti, A.L., 2021. Philosophy of Hermann Cohen (Publication, Foreword and Commentary by N.A. Dmitrieva). *Kantian Journal*, 40(2), pp. 95-130. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-2-4>

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 7. С. 136–376.

Коген Г. Теория опыта Канта / пер. с нем. В. Н. Белова. М. : Академический Проект, 2012.

Лапшин И. И. О трусости в мышлении. Эюд по психологии метафизического мышления // Вопросы философии и психологии. 1900. Т. 11, кн. 5 (55). С. 817–881.

Лапшин И. И. Законы мышления и формы познания. СПб. : Типография В. Безобразова и Ко, 1906.

Лапшин И. И. Логика отношений и силлогизм (По поводу книги приват-доцента С. И. Поварнина «Логика. Общее учение о доказательстве»). Пг. : Сенатская типография, 1917.

Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии. Пг. : Наука и Школа, 1922.

Лапшин И. И. Что есть истина? // Неизданный Иван Лапшин. СПб. : Изд-во СПбГАТИ, 2006. С. 280–323.

Лосский Н. О. Идеал-реализм (из книги «Общедоступное введение в философию») // Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М. : Республика, 1995. С. 290–348.

Пома А. Критическая философия Германа Когена. М. : Академический Проект, 2012.

Перцев А. П. Эволюция трансцендентальной философии в феноменологии: переход от «конструкции» к «дескрипции» // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, №5, ч. 1. С. 269–273.

Секундант С. Г. Теория бесконечно малых и ее роль в становлении философско-методологической концепции Г. Когена // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 26, № 4. С. 219–222.

Сокулер З. А. Герман Коген как актуальный мыслитель. Размышляя над книгой: Коген Г. Теория опыта Канта // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 154–164.

Сокулер З. А. Герман Коген и его идея логики чистого познания // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2021. Т. 25, № 3. С. 378–393.

Тютюнников А. А. Герман Коген: идея трансцендентального метода (часть 1) // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 2. С. 7–26.

Щедрина Т. Г. «Я пишу как эхо другого...». Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. М. : Прогресс-Традиция, 2004.

Щедрина Т. Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М. : РОССПЭН, 2008.

Beiser F.C. Hermann Cohen. An Intellectual Biography. Oxford : Oxford University Press, 2018.

Cohen, H., 1885. *Kants Theorie der Erfahrung*. Second Edition. Dümmler, 1885.

Edgar, S., 2022. Hermann Cohen on the Role of History in Critical Philosophy. *European Journal of Philosophy*, 30(1), pp. 148-168. <https://doi.org/10.1111/ejop.12654>

Kant, I., 2007. *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöllner and R.B. Loudon. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 227-429.

Lapshin, I.I., 1900. About Cowardice in Thinking. A Study on the Psychology of Metaphysical Thinking. *Voprosy filosofii i psikhologii*, 5(55), pp. 817-881. (In Rus.)

Lapshin, I.I., 1906. *Zakony myshlenia i formy poznania [Laws of Thinking and Forms of Cognition]*. St. Petersburg: Typografia V. Bezobrazova and Ko. (In Rus.)

Lapshin, I.I., 1917. *Logika otnoshenij i sillogizm. (Po povodu knigi privat-dotsenta S.I. Povarnina "Logika. Obshee uchenie o dokazatel'stve") [Logic of Relations and Syllogism. (About the Book by Privat-Docent S.I. Povarnin "Logic. The General Doctrine of Proof")]*. Petrograd: Senatskaya tipografia. (In Rus.)

Lapshin, I.I., 1922. *Filosofia izobretenia i izobretenie v filosofii [The Philosophy of Invention and Invention in Philosophy]*. Petrograd: Nauka i shkola. (In Rus.)

Lapshin, I.I., 2006. *Neizdannij Ivan Lapshin [Unpublished Ivan Lapshin]*. St. Petersburg: SPbGATI. (In Rus.)

Lossky, N.O., 1995. *Chuvstvennaja, intellektualnaja i misticheskaja intuitsija [Sensual, Intellectual and Mystical Intuition]*. Moscow: Respublika. (In Rus.)

Pertsev, A.P., 2015. The Evolution of Transcendental Philosophy in Phenomenology: The Transition from "Construction" to "Description". *Istoricheskaja i sotsialno-obrazovatel'naja mysl' [historical and socio-educational thought]*, 7(5.1), pp. 269-273. (In Rus.)

Poma, A., 1997. *The Critical Philosophy of Hermann Cohen*. Translated by J. Denton. Albany, N.Y.: SUNY Press.

Sekundant, S.G., 2010. The Theory of Infinitesimals and Its Role in the Formation of the Philosophical and Methodological Concept of H. Cohen. *Epistemology & Philosophy of Science*, 26(4), pp. 219-222. (In Rus.)

Shchedrina, T.G., 2004. *Ocherki intellektualnoj biografii Gustava Shpeta [Essays on the Intellectual Biography of Gustav Shpet]*. Moscow: ROSSPEN. (In Rus.)

Shchedrina, T.G., 2008. *Arkhiv epokhi: tematicheskoe edinstvo russkoj filosofii [Archive of the Epoch: Thematic Unity of Russian Philosophy]*. Moscow: ROSSPEN. (In Rus.)

Sokuler, Z.A., 2013. Herman Cohen as an Actual Thinker. Reflecting on the Book: Cohen H. Kant's Theory of Experience. *Voprosy filosofii*, 1, pp. 154-164. (In Rus.)

Dmitrieva N. A. Mensch und Geschichte. Zur 'anthropologischen Wende' im russischen Neukantianismus // *Etica & Politica / Ethics & Politics*. 2010. Vol. 12, № 2. P. 82–103. URL: <http://hdl.handle.net/10077/5103> (дата обращения: 17.01.2022).

Edgar S. Hermann Cohen on the role of history in critical philosophy // *European Journal of Philosophy*. 2022. Vol. 30, № 1. P. 148–168. <https://doi.org/10.1111/ejop.12654>.

Об авторах

Вячеслав Игоревич **Савинцев**, кандидат философских наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: VSavintsev@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4933-8689>

Варвара Сергеевна **Попова**, доктор философских наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: VSPopova@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9299-4150>

Для цитирования:

Савинцев В.И., Попова В.С. Пространство и время как априорные формы в работах Германа Когена и Ивана Лапшина // *Кантовский сборник*. 2022. Т. 41, № 4. С. 94–121.

doi: [10.5922/0207-6918-2022-4-5](https://doi.org/10.5922/0207-6918-2022-4-5)

© Савинцев В.И., Попова В.С., 2022.

Sokuler, Z.A., 2021. Hermann Cohen and His Idea of the Logic of Pure Knowledge. *RUDN Journal of Philosophy*, 25(3), pp. 378-393. (In Rus.)

Tyutyunnikov, A.A., 2018. Hermann Cohen's Transcendental Method as a Project (I). *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*, 2, pp. 7-26. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2018.2.01> (In Rus.)

Vvedensky, A.I., 1901. *Filosofskie ocherki [Philosophical Essays]*. St. Petersburg: Tip. V.S. Balashov and Ko. (In Rus.)

Zaikova, A.S., 2021. Discreteness and Continuity of Consciousness in Time. In: A.V. Smirnov and A.Ju. Antonovskiy, eds., 2021. *Vos'moy Rossijskij filosofskij kongress "Filosofia v polittsentrichnom mire" [The 8th Russian Philosophical Congress "Philosophy in a Polycentric World". Sections (II)]*. Moscow: Logos, "Novye pechatnye tehnologii", pp. 2247-2250. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The authors

Dr Vyacheslav I. **Savintsev**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: VSavintsev@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4933-8689>

Prof. Dr Varvara S. **Popova**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: VSPopova@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9299-4150>

To cite this article:

Savintsev, V.I., Popova, V.S., 2022. Space and Time as *A Priori* Forms in the Works of Hermann Cohen and Ivan Lapshin. *Kantian Journal*, 41(4), pp. 94-121.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-4-5>

© Savintsev V.I., Popova V.S., 2022.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))